

ПОЛЕМИКА

Б.Иванов

НАЦИОНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ. ТУПИК ИЛИ ВЫХОД? х)

х) Окончание. Начало см. "Ч" № 67

Владимир Ханан: "... Б.Иванов, четко реагирующий на изменения общественного сознания, заговорил о "росте национального самосознания". Этот, не одним Ивановым подмеченный, момент кажется мне очень важным для выяснения того, что происходит вокруг нас с нами. "Идея цельности — давнее заблуждение русского сознания", — говорит Кривулин, а я добавлю, что это давняя б о л е з н ь русской интеллигенции, которая уже раз привела к смертельному исходу. Интеллигенция умерла, а болезнь осталась.

Идея развития, — продолжает критик, — русского самосознания, очевидно, в силу особенностей национальной психологии всегда выливалась в идею национальной консолидации: национальное примирение", "отцовство — сыновство" и т.п. Во время гражданской войны на стороне красных сражалось огромное количество русских офицеров и генералов, не принявших большевистской доктрины, предпочитавших сильную Россию — пусть даже руководимую большевиками — России, ослабленной потерей окраин, попавших в зависимость от своих недавних союзников. Идея: вот мы собираемся все, объединимся — а потом уже будем решать наши общие вопросы. Ещё Достоевский писал: "... для веры в Бога надо иметь ПОЧВУ под собой, почву нации, семьи, отечества." На что еще тогда возразил В.Розанов: "Для "веры" в какого Бога? В "Велеса" — конечно! А для Христа? Ныне уже ни эллин, ни иудей... Христианство ВНЕ-земно, ВНЕ-отечественно, ВНЕ-семейно. Как Достоевский не разобрал всего этого!"

Я привел этот отрывок целиком, чтобы показать глубокое расстройство отношений между мыслью и аргументами у моего оппонента.

Не стоило бы уважаемому критику называть "идею цельности" "болезнью русской интеллигенции", — закрадывается сом-

нение, знает ли он, о чем говорит. Читатель помнит, что, давая определение культуры В.Ханан говорил: культура — это "утверждение иерархии выстроенного ряда ценностей"... Я не нахожу более точного обозначения для этих ценностей, чем обозначение религиозные". И дальше писал о религии христианской. Я приведу высказывание родоначальника "идеи цельности" славянофила Ивана Киреевского, имеющее непосредственное отношение к затронутому вопросу: "Одного только желаю я, чтобы те начала, которые хранятся в учении святой православной церкви, вполне проникнули убеждения всех степеней и сословий..., чтобы эти высшие начала, господствуя над просвещением европейским и не вытесняя его, но, напротив, обнимая его, своею полнотою дали ему высший смысл и последнее развитие, и чтобы та цельность бытия, которую мы замечали в древней, была навсегда уделом настоящей и будущей нашей православной России" /Из статьи "О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России"/. Тут, как видим, высшие религиозные христианские ценности, объединяющие социальные и культурные стороны общества, и составляют "субстрат" /как говорили в старые времена/ "идеи цельности". Совершенно напрасно и в этом случае критик доверился В.Кривулину. Я понимаю, что из совпадения высказываний В.Ханана с высказываниями И.Киреевского не вытекает, что портрет критика следует размещать в галерее славянофилов. Вполне возможно, что православие он может не считать подлинным христианством, а, может быть, и религией. Но если это так, оставим эту тему для будущих дискуссий.

Далее, Владимир Ханан "огромное количество русских офицеров и генералов" смело зачисляет в состав русской интеллигенции, — не взирая на традиционное презрение, с которым относились эти два социальных слоя друг к другу. Хорошо, пусть офицеры и генералы под руководством большевиков боролись за целостность России, а на окраинах страны, где дислоцировались белые силы, разве не вели борьбу за "единую и неделимую Россию?" Беда, очевидно, была не в том, что миллионами русских двигала идея цельности государства, а в том, что про-

паганда социальной розни, классовых противоречий, политические обиды и личные амбиции, напротив, разрушили сознание национального единства. Странно, что об этом приходится говорить. Большевики всегда ставили себе в заслугу "разложение" старой России, особенно её армии, воспитание её граждан в духе "непримиримой ненависти" к привилегированным классам и образованным тоже. Людей убивали за офицерскую пуговицу на шинели, за котелок на голове, за французский язык. Это были и д е й н ы е убийства, сообразно пониманию вещей.

Не стоило бы В.Ханану демонстрировать столкновение вышеприведенных высказываний Ф.Достоевского и В.Розанова. Вот, пожалуйста, что говорит В.Розанов о нравственном состоянии России: "Наше общество, идущее вперед без преданий, недоразвившееся ни до какой религии, ни до какого долга и, однако, думающее, что оно уже переросло всякую религию и всякий долг, широкое лишь вследствие внутренней расслабленности... символизировано в образе старика Карамазова" /В.Розанов "Легенда о великом Инквизиторе"/. Не в том ли видит дефект российского общества В.Розанов, что высшие христианские ценности не проникли в плоть его культуры, обихода, норм быденной жизни? Но разве не о том же пекся Достоевский: какая может быть христианская вера, не укорененная в почву? И об этом пишет, в сущности, Розанов. Но всегда можно воскликнуть: "а покажите-ка мне, где в Евангелии говорится про вашу Россию!" Цитата из В.Розанова говорит лишь о том, что Достоевский в глазах В.Розанова не был богословом. Но разве по богословию и у нас с критиком вышел спор? Мы говорим о судьбе нашей страны, о судьбах её культуры, — о том, что нам делать.

Замечу, что и В.Розанов, которого В.Ханан попытался привлечь на свою сторону, также сотни раз обращался к "идее цельности". Цитирую из той же работы "Легенда о великом Инквизиторе": "Зная целое и общее, уже легко найтись, определить себя в частностях; напротив, как бы много частностей мы не знали, — а они одни даются историей, науками, филосо-

фией, — всегда можно встретить новье, которые поставят нас в затруднение". В.Розанов ущербность западной цивилизации видел в том, что "необозримое множество подробностей и отсутствие среди них чего-то главного и связующего — вот характерное отличие европейской жизни, как она сложилась за два последние века."

Идея цельности выступала в интеллектуальных построениях российских авторов в самых различных ипостасях. Остановимся на том её употреблении, каким мы видим её в последнем высказывании В.Розанова, — как относящуюся к качеству культуры. В конце концов, наша полемика не должна покидать орбиты доклада Б.Останина и А.Кобака: "Молния и радуга: пути культуры 60-х-80-х годов". И в этом смысле я говорил об "идее цельности".

Во второй половине 19-го века реформаторские тенденции решительно вышли на поверхность культурной жизни России. Идея цельности, которая до этой поры — идея, прежде всего, философская и историософская, оказалась впряженной в круг иных проблем. Цельность русского социума символизировалась, персонифицировалась и осуществлялась деятельностью базовых институтов страны — самодержавием, всем её аппаратом, и церковью. Государственные и христианские ценности — это соответствует традиции — онной стадии развития общества /"средневековье"/ — были от личности отчуждены и противостояли ее интенциям. Жизнь — это "служба", послушание, следование предложенным образцам, канонам, нормам. Мы живем в такое время, которое так же перегружено опытом ^{сложно} отчуждения. Мы переживаем образовавшийся гигантский разрыв между провозглашаемыми ценностями и реальной действительностью, и подобный же разрыв был обнаружен нашими предшественниками в середине прошлого века, хотя цели и ценности, разумеется, различались.

Кризис основных институтов социума, недоверие к власти, светской и духовной, дискредитация догм, ведомств, авторитетов порождает неверие, ханжество, эгоизм, безразличие и так далее, о чем и писали наши предшественники и пишут

наши современники. Можно, кажется, сказать: и пусть всё катится к черту, но человеческое сознание стремится восстано-
вить непротиворечивость картины мира, веру в ценности и
дать новые стимулы к самореализации... Для России ситуация
осложняется включением в её культуру элементов более разви-
той культуры Западной. Идея цельности начинает выражать по-
требность в новой интеграции культурного и социального опы-
та. Эту задачу в эпоху реформации предлагается разрешить
в о з в р а щ е н и е м к и с т о к а м т р а д и ц и и.
Достоевский, а за ним Розанов, как и Лев Толстой, как и мил-
лионы сектантов, вопросы веры и жизни стали ставить иначе,
б е з зависимости от учреждений: государства и церкви, а по
вере, по патриотизму, питающимися внутренними мотивами. Ина-
че говоря, между ценностями и индивидом устраняются сущест-
вовавшие до поры посредники... В этом суть всякой реформации —
германской ли, российской ли или советской. "Личная вера",
"личная ответственность", "инициатива", "царство Божие внутри
нас", обращение формального лидера /попа/ в выборного пасто-
ра /протестантизма/, прихода — в общину, цитат — в свобод-
ную проповедь, — это темы для любой реформации общие.

Неудовлетворительность сегодня точки зрения, различаю-
щей только официалов и неофициалов в том, что перестроечные
течения существенно изменили ту схему противостояния, кото-
рую многие неофициалы по привычке продолжают защищать. По-
мимо консерваторов-традиционалистов существуют, как показы-
вают программы неформальных групп, и независимая публицисти-
ка: с о ц и а л и с т и ч е с к и й р е ф о р м и з м,
х р и с т и а н с к и й р е ф о р м и з м и г у м а н и -
с т и ч е с к о е направление в сегодняшней России. Я не
включаю в это движение молодежные субкультурные группы, зна-
чение которых сбрасывать неверно, но которые трудно опреде-
лить, ибо связаны с модой, стихийны и создают перевес общест-
венных сил в направлениях непредсказуемых. Не учитываю груп-
пы, которые для страны, по-видимому, останутся, по крайней
мере в ближайшие годы, экзотическими — кришнаиты, антропосо-
фы... Не отношу к этим направлениям группы, движимые чувст-

вами национальной ущемленности. Последние, считаю, дифференцируются по вышеозначенным тенденциям приверженностью к консерватизму, к национальной замкнутости, и по стремлению участвовать в общем демократическом преобразовании страны.

I. Тенденции к реформации социализма являются общими для людей самых различных рангов, положений и возрастов. Это социалисты, которые верят, что можно преодолеть сопротивление бюрократии, что коллективы могут не нуждаться в директивах и опеке, что социализм может быть демократическим, в своем развитии иметь инициативный и органический характер. В это движение входят множества клубов и групп, выпускающих в настоящее время довольно значительное количество самиздатских журналов. Маркс и Ленин для них источники вдохновения и борьбы за прогресс и демократию. И как в каждом движении здесь есть два крыла — правое и левое.

II. Православие (и не только православие) обладает способностью порождать реформаторские идеи. Среди верующих находятся люди, которые пытаются вывести Православную Церковь из её нынешнего бесчувственно-казенного существования. /См. "письмо шести" этого года патриарху Пимену и М.Горбачеву/. Энтузиасты этого движения не считают своей обязанностью согласовывать свои мысли с церковным клиром и, следовательно, хотят того они или не хотят, — персонифицируют независимую совесть христиан современной России.

И еще одно любопытное явление: предпринимается попытка в рамках одной организации объединить и религию, и социализм. Не трудно было теоретически предсказать, что найдутся общественные деятели, которые захотят интегрировать в одном концепте все традиционные структуры страны — религию и социализм. /См. "Проект программы Союза верующих социалистов" в этом номере./.

III. Я думаю, мой оппонент и я принадлежим к направлению, которое может быть названо гуманистическим. Это направление, как показывает история нашей литературы, продолжало теплиться в самые мрачные годы сталинского средневековья. В движении можно выделить то, что его объединяет, —

внимание к человеку и сопротивление бесчеловечности — внимание, без каких-либо предварительных условий и оговорок. Мне кажется, это составляет суть неофициальной гуманитарии и обуславливает тот пафос свободы, который её движет. Этот гуманизм, вместе с тем, нельзя приписывать только неофициальному искусству. Отец и сын Тарковские, такие литераторы, как А.Битов, Ф.Искандер, В.Попов, Б.Ахмадулина, А.Кушнер, — а разве только они! — могли оказаться и по эту, и по ту сторону официальности, если рассматривать их творчество — и ничего более. Но, разумеется, важно не то, каким образом одним гуманитариям удалось "снять угол" в союзе писателей, а другим нет. Разумеется, важно также не то, чтобы найти некоторый пограничный, переходной слой "от — к", а заметить и помимо творчества что-то еще, что делает неофициала неофициалом, а официала тем, что он есть в своей полноте. На этот счет у меня сложилось убеждение, что свободный некорпорированный гуманитарий это, — помимо всего прочего, — человек цельный, который по своей психической структуре, во всех тех случаях, когда ему приходится решать вопросы судьбы, предпочитает освобождать свой внутренний мир от противоречий, а не бесконечно усложнять его наращиванием ежедневных маневров и компромиссов. /Герои прозы А.Битова/.

Теперь я попрошу представить (пусть персону несколько вымышленную) такого гуманиста, который свое мировосприятие развил до цельности и завершенности, гуманиста, который не отказывает в приятии ни консервативным, ни прогрессивным силам общества, для которого это всё — человеческий мир в богатстве противоречий и различий, и который во имя того же гуманизма кардинальную проблему видит в общем совместном бытии! Мне кажется, что неофициальность, общественность как наиболее цельное выражение гуманизма в нашей стране, в силу душевных и других свойств, неизбежно будет проводником "идей цельности". А что такое "идея цельности" в приложении к историческому телу страны как ни сознание национальное!

Мне кажется, что в выражение "национальное сознание" мы с оппонентом вкладываем различные содержания. Хочу напомнить, что "национальное сознание" — продукт европейской политической истории и продукт поздний: век Просвещения и эпоха Французской революции 1789 г.. Хочу подчеркнуть, что понятие **национального** — понятие не этническое, не демографическое и не биоантропологическое, но — культурологического смысла, связанного с определенной стадией развития политической культуры народа.

Долгое время словом "нация" в Европе обозначали элитарные общности. Так было во времена Лютера. Альфред Козинг /"Нация в истории и современность"/ приводит такое выражение реформатора: "Здесь же германская нация, епископы и князья, должны памятовать и о том, что они христиане". Граф Жозеф де Местр писал так: "Что такое нация? Суверен и аристократия", — то есть, во Франции, охваченной революционными событиями, де Местр и через двести лет после смерти Лютера пытается сохранить за этим понятием тот же смысл. Но у аббата Сиейса в сочинении "Что такое третье сословие?" на вопрос, что такое нация, ответ дается иной: "Совокупность объединенных индивидов, живущих под общим законом представляемых одними и теми же законодательными органами". Произшедший сдвиг лаконичным образом продемонстрировала поправка, внесенная в текст клятвы, которую давал депутат Национального собрания — теперь он клялся **нации**, а не королю. Называя свой законодательный орган Национальным собранием, французы этим подчеркивали, естественно, не его французскость. Если прежде светский и церковный бюрократические аппараты символизировали и воплощали единство Франции, то теперь эту функцию стали выполнять выборные представители народа.

Говорю об очевидных вещах, но так ли мы в этих простых вещах просвещены! Ведь если наш народ не выбирает своих представителей в законодательные органы, но за них лишь "отдает голоса", то откуда следует, **русский народ нацией не является**. Не являются нациями и грузины, казахи, якуты, литовцы и другие народы;

населяющие Россию. Единство советского народа олицетворяют партийный и государственный аппараты. Для того, чтобы советский народ стал нацией, для этого необходима радикальная культурная реформация, о некоторых силах которой говорилось выше. Но прежде чем такая реформация может совершиться, народ наш должен дать носителей нового социально-политического организма — национального сознания. Должны появиться люди глубокого и всеобъемлющего мышления, для которых Россия — это не русские и не евреи, не та или иная частная или ведомственная проблема, судьба России — не карьерные интересы тех или иных индивидов. Должны появиться люди, готовые и способные понять сложную совокупность общих проблем; прояснить их настолько, насколько это необходимо для их уразумения народом, чтобы народ осознал, наконец, себя нацией — субъектом закона и политической воли, а не продолжал полагать себя объектом управления и опеки.

Для такой страны, как Россия, термин "нация" представляет большие неудобства. Для Франции, например, — этот политически самоорганизующий народ — французы. Для нашей страны "нация" — это и русские, и грузины, и казахи, и литовцы — представители всех народов, которых должно объединить новое политическое мышление. Дело не только в том, что средневековые бюрократические структуры сковывают творческую волю каждого народа в отдельности, — в том числе и русского, — но и историческая развязка этнических, культурных, политических проблем возможна лишь на основе целостного политического национального сознания. Либо насилие со стороны межнационального аппарата на действия местного населения, и степень сопротивления этого населения окажется аргументом в пользу "новых подходов" к национальным вопросам, либо формирование национального сознания путем общественных дискуссий — выработка правовых инициатив и трансформация основных политических институтов страны, местные вопросы решающие. Такова альтернатива.

Формирование национального сознания ещё месяц назад

мне казалось задачей, почти невыполнимой в силу своей чудовищной сложности. Однако на общественном семинаре по правам человека в Москве 10-14 декабря с.г., на котором национальные вопросы не уступали по значимости каким-либо другим, — здесь были представители всех регионов страны, — я понял, что те причины, которые вызывают глубокие пороки в культурном, нравственном, политическом, экономическом, экологическом существовании народов нашей страны, эти же причины общественные силы разных народов и народностей объединяют. Никто не говорил: Это ваши проблемы, а не наши.

Мой уважаемый оппонент мог заметить, что я, выступая на обсуждении доклада А.Кобака и Б.Останина, ни разу не употребил слово "русский", говоря о национальном сознании. Семинар показал, что можно смело дать прописку новому термину: советское национальное сознание.

.....